

Марьяна Куприянова

БАГРОВАЯ СВЯЗЬ

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К92

Куприянова М.

К92 Багровая связь / М. Куприянова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023 — 316 с.

ISBN 978-5-521-91479-1

В её размеренную, наполненную простыми радостями жизнь врывается новый персонаж, словно из книги ужасов. Жестокий и властный, он разрушает всё, что ей дорого, превращая жизнь в бесконечный кошмар, от которого невозможно проснуться... Но вместе с тем навсегда избавляет её от творческого кризиса, возвращая способность творить.

Оказалось, иллюзорное счастье держится на шаткой основе. Она пыталась сопротивляться, но это его только разозлило. Постепенно граница между реальностью и выдумкой исчезает вовсе.

Как понять, где явь, а где фантазия?

Они повязаны кровью.

BIC FP
BISAC FIC005000

ISBN 978-5-521-91479-1

© Марьяна Куприянова, текст, 2023
© Ironzenaart, обложка, 2023
© Т8 RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Эпизод 1

[Сейчас]

Видите ли, в нашем институте есть один преподаватель.

Знаю-знаю, о чем вы сейчас подумали. Начало прозаичное, верно? Должно быть, сейчас я поведаю о каком-нибудь мачо, привлекательном, неординарном или хотя бы умном мужчине, по которому студентки сходят с ума, а он этим бессовестно пользуется.

Но поспешу разочаровать. Речь пойдет о древнем, даже доисторическом дедуле, который был лично знаком не только с динозаврами, но и с трилобитами.

Иван Владимирович Лавренев выглядел, как мне казалось, лет на сто двадцать, но на пенсию не собирался. Все сейчас узнают этот тип преподавателя, потому что такие есть везде: вредный неадекватный дед, паранойяльно не доверяющий студентам и никак не уходящий на заслуженный отдых. На первом курсе кто-то дал ему оригинальное прозвище «дед», с тех пор все так его и называли.

На парах (а может, и не только на них) дед периодически впадал в маразм, амнезию, синдром Туретта, раздвоение личности и бог его знает, что еще. Доказать что-то деду было невозможно, даже если он был неправ, и вся группа на него наседала. Дед жил вне времени, поэтому продолжительность пар его не интересовала, вследствие чего перерывов у нас не было. Занятия деда проходили как стендап очень плохого комика, однако он сам составлял себе аудиторию, которая всегда смеялась. Некоторые его бредовые фра-

зы, озвученные на пике потери рассудка, перешли в разряд студенческих афоризмов.

В принципе, Лавренев был не так уж плох хотя бы по одной причине. На его парах всю мою группу коллективно бомбило, а я получала удовольствие и бесплатную энергию для зарядки телефона от мини-ядерных взрывов вокруг себя. Когда они злились, мне почему-то становилось весело. Подозреваю, что я энергетический вампир, если такое действительно бывает.

Помимо прочего дед был практически глух и слеп, вследствие чего на каждой перекличке забавно коверкал фамилии, что добавляло колорита. Но если занятия больше напоминали шоу, то на экзаменах начиналась русская рулетка. Хотя, конечно, мне было не так трудно, как остальным. Кажется, я единственная не испытывала ненависти к деду и воспринимала его легко. Либо же это он относился ко мне иначе. Иногда мне даже казалось, что он мне симпатизирует и выделяет среди остальных, но кто знает наверняка, что творилось в этих угасающих мозгах?

На протяжении четырех лет нас кормили обещаниями о скором сокращении деда. Появилась даже Легенда о Дед-уходящем-на-пенсию, ставшая частью студенческого фольклора. Слухи об отставке деда ходили каждый семестр, но никогда не оправдывались. Лавренев собирался пережить всех. Вот и сейчас, накануне предстоящего семестра, кто-то где-то кому-то шепнул, будто предмет деда будет вести новый преподаватель. Услышав это, все только посмеивались и заявляли, что они родились не вчера, чтобы в это поверить. Но информация легко поддавалась проверке. Это было делом времени.

На третий день по расписанию у моей группы стояла пара деда. Когда мы пришли к аудитории, она была открыта и пуста. Дед всегда так делал и «чуть-чуть» опаздывал, зависая с коллегами на кафедре. Он ведь жил вне времени

и мог себе позволить опоздания. Точнее сказать, он даже не догадывался о них.

Мы вошли и расположились, посмеиваясь над тем, будто якобы сейчас сюда войдет новый преподаватель. Ослу было ясно, что дед никуда не делся, что он так же вечен, как солнце или луна. Я по привычке уткнулась в телефон, пока меня не окликнул знакомый тонкий голос.

— Хэй!

Я вскинула голову и увидела на входе Натаху. Она широко улыбалась и показывала мне «козу».

— Привет. Откуда ты тут?

— У меня пару отменили.

— Прыгай ко мне! — обрадовалась я. — Поболтаем!

Двух учебных дней с новыми одноклассниками мне с лихвой хватило, чтобы они застряли у меня в горле, словно кость. Появление человека из старой компании было как бальзам на душу. Наташа села ко мне на последнюю парту крайнего ряда. Здесь я чувствовала себя комфортно, потому что видела спины всех присутствующих, а мою не видел никто.

— Говорят, дед на пенсию уходит.

— Он спляшет сальсу на нашей с тобой могиле, уверяю тебя.

— Весь универ чуть ли не мемы делает из этой темы. Ясное дело, мало кто поверит.

— Черт, а я-то думала, мы с тобой уже не посидим на одной паре, как в старые добрые времена...

— Да, Лиз, я тоже так думала.

— И дед опаздывает, как и все четыре года. Держит марку.

— Ну да, зато потом на перерыве сидим. Ну и как твоя новая группа?

— О-о, да ты просто взгляни на них. Все ведь и так видно. Самый сок современного поколения. Можешь мне посочувствовать.

— Все так безнадежно?

— Ты спрашиваешь меня, безнадежно ли все, но ты не знаешь, что я пережила за эти первые два дня обучения. Чего стоит костяк из Стрелецкого, Гранина, Куприяновой и Ануфриевой. Остальные не лучше. Вон та — лицемерка, каких я прежде не видела. Чем бы ты ни увлекался, она будет уверять, что разделяет твой интерес, хотя ничего в этом не смыслит. И так она подбивает клинья к каждому, выгодно ей это или нет. Я долго за нею наблюдала еще на бакалавриате и могу поклясться, что, скорее всего, у нее какая-то мания. Некоторые считают ее душкой, потому что она очень умело льстит, многое переводит в шутку и, если уж открывает рот, то говорит исключительно то, что от нее хотят услышать. Мне хватило взгляда, чтобы понять, кто она такая. Вон та — типичная вебкам-модель с папиками. Эта страдает селфи-зависимостью и отправляет в Twitter каждую свою мысль. Как ты понимаешь, мысли у нее не слишком умные. Вон тот красавец — педик, чуть левее — сильно косит под педика, этот вообще лежал в психушке, этот считает YouTube прошлым веком. Они одеваются так, как модно, смотрят и слушают то, что модно, не любят книги и видеоигры. Рабы трендов, Натах. Over-пафос и «ее, грусть» — это про них. Перед тобой недовольные своей жизнью инфантильные аборигены всевозможных социальных сетей.

— Безнадега.

— Нет, не торопись судить их строго, — сдерживая смех, сказала я. — Ты еще не видела вишенки на торте. Знаешь, что?

— Что?

— Сериальное задротство.

— Звучит как диагноз.

— Так и есть. Они постоянно, клянусь, постоянно обсуждают свои зашкварные сериалы о трудной жизни подрост-

ков — таких же представителей потерянного поколения, как и они. Да у них просто зависимость.

— Как эти люди вообще поступили в магистратуру?

— Ну а Машу помнишь? Как человек, не знающий, что такое дрожжи и как пишется слово «скорлупа», отучился четыре года, защитил диплом и сдал госы? Я, допустим, не понимаю.

— Маша это да-а... Природный уникум. Я смотрю, по мужской части ловить тут нечего.

— Да о чем ты, Натах. Тут даже в чисто эстетическом плане не на что взглянуть. Хилый да мелкий пошел мужичок, изнеженный и инфантильный, — резюмировала я, в привычной манере закатывая глаза.

Мы единодушно вздохнули. Мгновение спустя, словно вызов моим последним словам, в дверном проеме показался человек.

— Ог-го, — тихо выдавила Наташа.

Боковым зрением я видела, как она рефлекторно вжала голову в плечи. Аудитория смолкла, осматривая незнакомца.

— Я бы сказала «Иисусе», если бы верила в бога, — даже ошеломленная до глубины души я не могла отказаться от сарказма.

Таких больших людей я прежде не встречала. Хотя, нет, видела, конечно, но у них был лишний вес, а этот... просто здоровенный. Иного слова не подобрать. Если бы я писала книгу и захотела добавить в нее такого персонажа, я бы так и написала: *«В помещение вошел устрашающе огромный мужчина»*. Ничего лишнего.

— Добрый день, студенты. Мое имя — Шувалов Роман Григорьевич. С этого дня я буду вести у вас занятия по геодезии вместо ушедшего на пенсию Ивана Владимировича.

Немая сцена. Ветер подергивает жалюзи с противным постукиванием. Гробовая тишина. Кто-то прочистил горло. Кажется, это была я.

Вот, значит, как бывает. Мальчик кричал «волки», но ему никто не поверил, а там действительно были волки. Я искренне надеялась, что Натаха прочтет мои мысли, как профессор Ксавьер из «Людей Икс». Озвучить что-то вслух я была не в состоянии.

Мужчина тем временем медленно прошел к своему столу, словно позволял аудитории лучше себя рассмотреть. Было четыре вещи в нем, которые сразу привлекали внимание: рост, плечи, волосы и глаза. Ты смотрел на этого великана и думал: господи, я что, в Йотунхейме? Что за снежный человек? Да, роста в нем было никак не менее ста девяноста сантиметров, скорее даже сто девяносто с хвостиком.

Когда же, вдоволь надивившись росту, ты поднимал взгляд, пытаясь нащупать у громилы голову, то натыкался на белые волосы. Блондин, о да, и никакой перекиси. Никаких примесей рыжего, русого, пепельного, желтого, которые получаются, когда имеешь дело с окрашиванием. Такими светлыми могут быть только природные блондины. Фокусируя взгляд на голове, ты замечал и глаза. Они были под стать волосам — ярко-голубые, я даже со своего места различила их цвет. Необыкновенной ширины плечи раздавались в стороны, словно наросты для утерянных где-то крыльев.

Многие люди с излишне высоким ростом чувствуют себя неуютно, они неуклюжи, нескладны, а ходят так, будто стесняются своего тела. Но только не этот тип. По походке и движениям было ясно, что он ощущает себя комфортнее, чем окружающие. Рост и габариты ничуть не мешали ему. Он привык с ними жить, как люди привыкают к родинке над глазом. Он не ощущал никаких неудобств, а достоин-

ства, которыми обладал, были слишком привычны, чтобы обращать на них внимание.

Вообще мужчина производил впечатление человека, которого нисколько не заботит собственная наружность. Наверное, этот факт поразил меня даже больше, чем его наружность.

— Внимание, знатоки: вопрос, — шепнула я Наташе. — Где я его видела? Время пошло.

— Мы предполагаем, что это было на вручении сертификатов в начале лета, — тут же подхватила игру подруга. — А отвечать будет Александр Друзь.

— Один из «фэбээровцев»! — с трудом удержалась я. — Но тогда он выглядел иначе! Совсем...

— Вовсе нет. Просто тогда он сидел, и мы видели лишь его голову, да и то сбоку.

В полный рост мужчина производил совсем иное впечатление.

— Не могу поверить, что дед свалил на пенсию.

— Иногда случается даже невозможное.

— Пусть поднимется староста, — произнес мужчина, сел за стол и раскрыл журнал.

Гранин поднялся молниеносно. Похоже, шокированы были не только мы.

— Назовитесь.

— Гранин Владимир Сергеевич.

— Вольно, Гранин. Садитесь.

Снова тишина. Пока мужчина невозмутимо ставил пометки в журнале, я наблюдала за ним, делая в уме свои личные пометки относительно него. Белые волосы средней длины были уложены назад, полностью открывая лицо. Южный загар выглядел на нем очень... экстраординарно.

— Как, он сказал, его фамилия? — шепнула я Наташе.

Благо, мы сидели на последней парте, и мужчина физически не мог услышать нас. А если и слышал, то неразборчивый бубнеж.

— Вроде, Шувалов.

Блондин поднялся и присел на край стола. Скрестив руки на груди, он окинул изучающим прищуром по-прежнему изумленную аудиторию. Ткань рубашки заметно натянулась в плечах, грубые толстые пальцы обхватили локти.

— Для тех, кто не расслышал с первого раза, повторю, — сказал он, глядя в нашу сторону, — Роман Григорьевич Шувалов.

Если верить ощущениям, щеки у меня были не пунцовые даже, а карминовые от прилившей крови.

— А теперь, если вы не против, давайте знакомиться. Пусть каждый назовет себя. По очереди.

Зарекшись произносить что-то вслух даже шепотом, я открыла блокнот и начеркала послание соседке:

«Как он услышал?»

«Не знаю, — написала подруга. — Но он странный. Он меня пугает».

«Посмотрим, что будет дальше», — дописала я.

Трудно было признать, что этот посторонний — наш новый преподаватель. Он выглядел не так, как должен выглядеть стандартный препод. Наверное, это какой-то розыгрыш, и через пару минут в аудиторию войдет дед, посмеиваясь над нашей доверчивостью. Но мужчина спокойно осматривал студентов, словно свои новые владения, и никуда не собирался уходить.

Некоторые из наших настолько перепугались, что спрятали телефоны в сумки. Я и сама ощущала иррациональный страх. Не знаю, чем он был вызван в большей степени — внешностью или поведением мужчины. От него исходили те самые вибрации, что вызывают у окружающих позывы беспрекословно подчиняться.